

Движение нижегородского крестьянства во время подготовки и проведения реформы 1861 года

Ф. Чебаевский

В 50-х — начале 60-х годов XIX в. в России борьба крестьян против помещиков крайне обострилась и приняла весьма широкие размеры. По данным, имеющимся в литературе (далеко не полным), в 1845—1854 гг. было 348 крестьянских восстаний, в 1855 — начале 1861 г. — 474. В. И. Ленин указывал, что в 1859—1861 гг. в стране имела место революционная ситуация, характеризовавшаяся кризисом в «верхах» и повышением политической активности угнетённых масс. Эта революционная ситуация заставила царское самодержавие пойти на реформу — отменить в 1861 г. крепостное право, державшееся сотни лет.

Крестьянским движением была охвачена и Нижегородская губерния, одна из коренных и типично крепостнических губерний России. Согласно переписи 1858 г., крепостные помещичьи крестьяне здесь составляли 58,97%, в то время как в целом по Европейской России — 37,51%¹. По имеющимся данным, за 1847—1864 гг. в губернии произошло до 25 крупных крестьянских волнений. Подавляющее большинство из них пришлось на последние четыре года перед реформой и первые годы после неё. Кроме того, в 1858—1861 гг., то есть в период революционной ситуации, в губернии отмечалось множество мелких крестьянских выступлений. В особенности ими были охвачены южные уезды — Сергачский, Васильский, Княгининский, — где помещиками широко практиковалась барщина.

★

Мысль о «воле» бродила в умах нижегородских крестьян, как и крестьян многих других частей России, ещё задолго до отмены крепостного права. В 1842 г., в связи с опубликованием указа «об обязанных крестьянах», крепостные крестьяне Арзамасского, Васильского и Семёновского уездов стали считать себя свободными и перестали повиноваться господам. Кое-где крестьяне даже утверждали, что вышел указ «отобрать» их на волю, взимая за «вольность» по 25 рублей с души².

Крестьянские волнения в губернии нарастали из года в год. Крестьяне не мирились с тяжёлой помещичьей эксплуатацией, искали облегчения своей участи, «вли» и нередко обращались за «правдой» к губернатору и к самому царю. Особенно часты были

выступления крестьян в имениях, которые перепродавались или переходили по наследству к новому владельцу, так как появление нового владельца обычно означало усиление помещичьего гнёта над крестьянами.

Крупное волнение крестьян вспыхнуло, например, в 1847 г. в Васильском уезде, в селе Осинки, принадлежавшем помещице Демидовой. Помещица завещала крестьянам, по её смерти, свободу с условием известного за это вознаграждения наследника. Но завещание, составленное без соблюдения всех предписанных законом формальных правил, было признано гражданской палатой и правительствующим сенатом недействительным³. Крестьяне же отказались признать владельцем наследника Демидовой Киреевского и не дали ему подписки к «повиновению». Дважды они направляли своих доверенных к министру юстиции и к царю с прошением о даровании им обещанной свободы. Но оба раза доверенные были арестованы и преданы суду, а на место для приведения крестьян «в покорность» высланы воинские команды гарнизонного батальона численностью до 100 человек.

Волнения крестьян села Осинки приняли затяжной характер.

В конце 1850 г. сюда прибыл флигель-адъютант полковник граф Адлерберг 3-й. Он констатировал «новое волнение между крестьянами и дерзкий дух непокорности». «Собрав крестьян, — писал в донесении Адлерберг, — я выговаривал им строго за их вероломное слушание... прочитав вслух сообщённое им ещё до меня начальником губернии отношение статс-секретаря... о том, что просьбы их, на основании решения сената, оставлены без уважения, и чтобы они впредь не смели обращаться по сему делу с иском...»

Но слова ретивого царского служки мало действовали на крестьян. Они не хотели признавать над собой власти помещица. «Не успевая в достижении общего изъявления покорности, — сообщал далее Адлерберг, — я начал допрашивать каждого порознь, на месте, подвергая телесному наказанию упорствовавших; после сей решительной расправы я достиг... единогласного обещания повиноваться законному помещику, с обязательством подпиской в том, что решение сената им объявлено и что они никаких прошений по сему делу впредь подавать не будут»⁴.

Однако и после učinённой над крестьянами расправы полковник не был уверен, что ему удалось окончательно навести «поря-

¹ См. А. Тройницкий. Крепостное население по 10-й народной переписи, стр. 49. СПб. 1861.

² См. В. Снежневский. Крепостные крестьяне и помещики Нижегородской губернии накануне реформы 19 февраля и в первые годы после неё. «Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии». Сборник. Т. III, стр. 58. Н.-Новгород. 1898.

³ Центральный Государственный исторический архив (ЦИА), фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1850, д. № 205, л. 4.

⁴ Там же, л. 4—9.

док». Ведь крестьяне Осинок «бунтовали» уже три года. Поэтому в конце своего донесения он приписал: «Ежели же бы они (беспорядки.— Ф. Ч.) противу всякого чаяния когда-либо впредь обнаружались, то и здесь, по моему мнению, не предостоят другого средства, как лишь предание всех крестьян села Осинок военному суду для примерно-строгого наказания»⁵. На донесении Адлерберга Николай I карандашом написал: «Со-глашен».

Крупное выступление крестьян произошло в 1852 г. в селе Кулебаки, Ардатовского уезда. Оно закончилось жестокой расправой над крестьянами, осмелившимися выйти из повиновения.

Крестьяне неоднократно обращались к помещику с просьбой «облегчить их от обработки его земли». Но помещик отказывался, ссылаясь на свою полную власть над крестьянами. Тогда крестьяне отправили ходоков искать «правды» в Нижний-Новгород к губернатору. В пути ходоки были перехвачены властями и заключены в ардатовский тюремный замок. Крестьяне вновь выбрали ходоков и направили их уже к царю.

В прошении царю они писали: «Предки наши были вечно свободны, и при блаженной для нас памяти государя... Иоанна Грозного нам пожалованы все угодья в пользу нашу за участие во взятии в то время царства Казанского». При Павле I, говорилось далее в обращении, они были пожалованы Эсену, московскому коменданту, и с того времени продолжают находиться «в рабстве». Крестьяне жаловались, что помещик отнял у них 150 десятин земли. «Возможно ли [при этом] жить крестьянину, обремененному оброками и барщиной?» — спрашивали они царя.

Через некоторое время крестьянам объявили, что просьба их оставлена без последствий и что им надлежит дать подписку о воздержании от подачи подобных прошений царю.

Крестьяне наотрез отказались от подписки, считая, что этим навечно закрепостят себя. Тогда в Кулебаки была направлена полция. Началась расправа. «Становой пристав и управляющий именем, — жаловались в одном из прошений крестьяне, — одумали ношным бытом ходить по домам крестьян, и становой бил из своих рук, а староста дверь держал, и в миру было убито 20 человек, и мы отцу духовному в тех побоях призывались». Сверх того в село прибыл казачий отряд в 40 человек, и крестьяне были так «стеснены и разорены», что не осталось у них «и куска хлеба». Только после такой жестокой расправы над крестьянами они дали подписку «впредь с подобными просьбами не обращаться и ни куда не подавать»⁶.

Аналогичные выступления крестьян были в 1852 г. и в других селениях Ардатовского уезда.

В одной из докладных записок, награвленных на имя министра внутренних дел.

⁵ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1850, д. № 205, л. 4—9.

⁶ «Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии». Т. I, вып. 11-й, 1891, стр. 550—551. Н.-Новгород.

следующим образом подытоживались требования крестьян:

«1) Государственное управление заменяется общественным крестьянским управлением на мирских сходах, которым будут обобщиваться преступления и дела гражданские.

2) Коль скоро крепостной получит свободу, то не обязан платить подушных и нести земской и рекрутской повинности.

3) Денежные имущества, т. е. капиталы, должны быть уравниваемы между бедными и богатыми крестьянами.

4) Землями владеет чернь, а не помещики»⁷.

Мысль о замене существующего государственного управления общественным, мирским, свидетельствовала о росте общественного сознания крестьян.

Не менее любопытно выступление в 1854 г. крестьян села Виняева в том же Ардатовском уезде, принадлежавшего помещице Киреевской. Поводом к выступлению послужило то, что Киреевская многих крестьян за «неповиновение» посадила в тюрьму. Двое из них, Евдокимов и Емельянов, вскоре были выпущены «на поруки». Эти крестьяне явились на сход и обратились к «миру» с призывом: «Закладывайте, православные, расход и соберите 600 рублей денег: надо выручить из тюрьмы... одновотчинников, так как за это с них эти деньги просят». Затем Евдокимов и Емельянов обратились с угрозой к старосте: «Ты нам ответишь головою за кражу с управляющим оброчных денег». Староста приказал сотскому взять «возмутителей», но сход не допустил этого. Староста донёс исправнику, что около 100 крестьян села Виняева и деревни Голядкиной ждут «вольности своей», делают «против власти буйства и слушание». Началось следствие. У одного из крестьян было отобрано письмо от нижегородского чиновника Светова, который, видимо, помогал крестьянам «искать волю». В письме крестьянам давались советы, как вести дело, указывалось на необходимость хлопотать и «держать ухо остро»⁸.

Волнения крестьян, проявившиеся в форме «неповиновения», наблюдались и в других уездах. Так, в Сергачском уезде управляющий именем Мазаракя в феврале 1854 г. сообщал уездному земскому исправнику, что крестьяне деревни Малаховой, принадлежавшие помещице Дебелыцевой и переданные в его распоряжение, «не только отказывают в повиновении старосте их, Герасиму Григорьеву, но даже и его приказам», заявляя, что «они будут исполнять волю только их владельца»⁹.

В Лукояновском уезде «неповиновение» новому помещику Пашенному оказали 16 крестьян, купленных с аукциона. Делом о «неповиновении» 16 крестьян специально занимались предводитель и депутаты губер-

⁷ «Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии». Сборник. Т. X, стр. 167. Н.-Новгород. 1912.

⁸ «Действия Нижегородской губернской учёной архивной комиссии». Т. I, вып. 11-й, 1891, стр. 552.

⁹ Горьковский областной архив, фонд канцелярии Нижегородского губернатора, год 1854, 2 стол, д. № 47.

ского дворянского собрания. Хотя и было установлено, что Пашенный эксплуатировал крестьян, нарушая все правила, установленные законом, тем не менее дворянское собрание постановило: «Удалить из имения неповинующихся крестьян ссылкою в Сибирь, а г. Пашенного обязать подпискою, чтобы он желающих остаться у него в повиновении крестьян наделил надлежащею землею и в обращении с ними руководствовался бы установленными в законе правилами»¹⁰.

На этом же дворянском собрании разбирались два аналогичных дела помещиков Анненкова и Лобис, владевших имениями в Лукояновском уезде. Было решено имение Анненкова «за резкое противузаконное обращение с крестьянами и чрезмерное обременение их работами» взять под опеку, а в отношении помещицы Лобис ограничиться «внушением», указав, чтобы она изыскала средства для улучшения положения своих крестьян. В то же время помещице было дано право наказывать крестьян по усмотрению, при содействии земской полиции. Полицию же обязали, чтобы она отобрала подписки от крестьян об исправности платежа оброка и отбывания других повинностей¹¹.

Такие решения губернского дворянского депутатского собрания понятны. «Собака собаку не ест», — писал в прокламации «Барским крестьянам» Н. Г. Чернышевский.

★

В Крымскую войну 1853—1856 гг. по всей стране происходил подъём крестьянского движения. Был объявлен правительственный указ 1854 г. о наборе в морское ополчение. Хотя он касался только четырёх близлежащих к Балтийскому морю губерний, желающих вступить в ополчение было много и в центральных губерниях, в том числе в Нижегородской. По этому поводу вспыхнули волнения. В Нижегородской губернии они начались в Ардатовском уезде среди заводских крестьян Шепелевых. В июне 1854 г. с заводов Снегедского, Выкунского и Вильского в Москву для поступления на военную службу бежало 127 человек. Крестьяне, бежавшие в Москву, считали, что им «через три года за службу царь даст волю и жалование». Вслед за заводскими стали убегать крестьяне из вотчин¹².

Волнения в губернии имели место и в 1855 году. В связи с выпущенным в январе 1855 г. Александром II манифестом о народном ополчении в Княгининском уезде, например, «между крестьянами села Вельдеманово гг. Ладыженских и Левенситер распространялся ложный слух, будто бы крепостные люди, поступающие добровольно в призванные ныне государственные ополчения, будут со своими семействами свободны». Вследствие этого, доносил земский исправник, «несколько человек са-

мовольно отлучились, а некоторые оставляют сельские работы и не признают власть вотчинного начальства»¹³. Хотя крестьянам разрешалось вступать в ополчение только с дозволения помещика, по из села Вельдеманово 9 человек «скрылись с билетами, данными священником, и были даже напущены молебном, при колокольном звоне, с коленопреклонением, при стечении почти всего народа этого села»¹⁴.

После окончания Крымской войны борьба нижегородских крестьян против помещиков, как и повсюду в России, ещё более усилилась. «Это было время, — писал И. В. Сталин, — когда разбитое в Крымской войне царское правительство оставило на поле битвы свыше 50 000 сынов народа и, вернувшись к себе домой, встретило там возмущенное крестьянство, требовавшее от него земли и воли»¹⁵.

В Нижегородской губернии, в Сергачском уезде, среди крестьян «сложилось убеждение, — доносил жандармский офицер в июле 1856 г., — что при коронации государя-императора объявится всемирно-известный манифест об освобождении крестьян от крепостного права... Ратники рассказывают самые нелепые слухи о том, что они видели, слышали и испытали; некоторые рассказывают, что они в непродолжительное время снова призваны, и тогда им объявится совершенная свобода; явившись в имения, они не сохраняют должного уважения к помещичьим властям, в особенности в тех имениях, в которых сами помещики не живут. Ратник, разговаривая с вотчинным начальником или даже с помещиком, шалки не снимает, говоря, что ему не приказано её снимать»¹⁶.

Одним из крупнейших в губернии было выступление крепостных в 1856 г. в Сергачском уезде, в деревне Сурки. В ней числилось около 250 крестьян мужского пола. Деревня принадлежала помещику Рахманову, который в июне 1856 г. продал её помещику Пашкову. Последний назначил управляющим дворового Рачинского. Крестьяне категорически отказались повиноваться новому владельцу, заявив, что Рачинский «строг и стеснителен по управлению»¹⁷.

Местные власти, чтобы привести крестьян к повиновению, ввели в Сурки сборную инвалидную команду в количестве 50 человек. Но такой команды оказалось недостаточно. Крестьяне продолжали упорствовать. Тогда были вызваны два взвода казаков Оренбургского казачьего войска. «Бунтовщики» были схвачены и посажены

¹³ Горьковский областной архив, фонд канцелярии Нижегородского губернатора, год 1855, д. № 5668, л. 7.

¹⁴ Там же, л. 1.

¹⁵ И. В. Сталин и И. В. Сталин. Сборник «К изучению истории ВКП(б)». Вып. 1, стр. 14. Партиздат ЦК ВКП(б). 1938.

¹⁶ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1856, л. № 172, л. 12.

¹⁷ Там же, л. 3.

¹⁰ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1856, д. № 260, л. 7.

¹¹ Там же.

¹² В. Снежневский. Указ. соч., стр. 58.

в тюрьму. Однако до 70 крестьян бежало из деревни и скрылось в лесах.

На следствии выяснилось, что жестокое обращение Рачинского было лишь формальной причиной неповиновения. Настоящая причина заключалась в том, что крестьяне в связи с предстоящей коронацией царя ждали освобождения и полагали, что если они дадут «подписку находиться в повиновении г. Пашкова», то навсегда останутся «в крепостном состоянии»¹⁸. В официальных документах утверждается, что сурковские крестьяне домогались права на выкуп, на свободу под влиянием «неблагоденствующих» людей, что прошение крестьянам составлял титулярный советник Старогородский, а ходатайство принял на себя крестьянин Масаутов, проживавший в соседней казённой деревне Пица.

Прибывший в Сурки флигель-адъютант полковник граф Сумароков-Эльстон жестоко наказал крестьян за неповиновение. Главных зачинщиков высекли розгами, дав им от 200 до 300 ударов. Кроме того 10 человек были намечены к отправлению на поселение в Сибирь и 10 человек — в арестантские роты. Пострадал и ходатай — поверенный Масаутов: его посадили в тюрьму и тоже наметили выслать в Сибирь.

Однако выселение сурковских крестьян было приостановлено. Губернатор А. Н. Муравьёв представил это дело, как выходящее «из ряда обыкновенных», на рассмотрение министру внутренних дел. Считая главным виновником Рачинского, Муравьёв предложил освободить арестованных и отменить «взыскания», наложенные на крестьян. Предложение Муравьёва встретило большое неодобрение местной жандармерии, находившей, что если «мнение» губернатора будет утверждено, оно «произведёт гибельные последствия на умы крестьян — не только сурковских, но и прочих владельческих имений Сергачского уезда, в котором и без этого послабления крестьяне почти повсеместно изъявляли уже непокорность по слухам о предстоящем освобождении их от крепостной зависимости»¹⁹.

Ещё более крупным было выступление в 1857—1858 гг. крепостных помещика Демидова в Макарьевском уезде. Двести восемьдесят крестьян Демидова пришли в Нижний-Новгород, остановились перед губернаторским домом и через своих выбранных представителей обратились с жалобой на помещика. Они заявили, что владелец обложил их непосильным оброком (по 40 руб. с тягла), «взял оброк вперёд за январскую треть 1858 года и требовал ещё за несколько месяцев; кроме того, вынужденно берёт у них деньги взаимно без отдачи, и, наконец, употребляет людей на работы при постройке дома за ничтожную плату»²⁰.

Это выступление демидовских крестьян было отмечено великим украинским революционным демократом Т. Г. Шевченко, проживавшим в то время в Нижнем-Новгороде на положении полусусельного. Вот как он описывает приход демидовских крестьян в губернский город: «7 (ноября). Паднях как-то проходил я через Кремль и видел большую толпу мужиков с открытыми головами перед губернаторским дворцом. Явление это показалось мне чем-то необыкновенным, и до сегодняшнего дня я не мог узнать его содержание, а сегодня Овсянников рассказал мне, в чём было дело.

Крестьяне помещика Демидова, того самого мерзавца Демидова, которого я знал в Гатчине кирасирским юнкером в 1837 году и который тогда не заплатил мне деньги за портрет своей невесты, теперь он, промотавшийся до снаги, живет в своей деревне и грабит крестьян. Кроткие мужички, вместо того, чтобы просто повесить своего грабителя, пришли к губернатору просить управы, а губернатор, не будучи дурак, велел им почёсть за то, чтобы они искали управы по начальству, т. е. начинали со станового.

Интересно знать, что дальше будет»²¹.

А дальше было то, что «сечение» не привело к умиротворению демидовских крестьян. Они продолжали упорствовать, не слушались поставленных помещиком старшин, отказывались платить оброк. Губернские власти направили в имение Демидова воинскую команду численностью в 150 человек. Были арестованы 14 крестьян и темниковский мещанин Горинов, заподозренный в «подстрекательстве». Но крестьяне не повиновались. На место был вынужден выехать губернатор. И только после нового «сечения» главных зачинщиков крестьяне Демидова были приведены в повиновение²².

Тяжёлый экономический и правовой гнёт вынуждал помещичьих крестьян прибегать и к средствам открытой вооружённой борьбы. В губернии в 50-х годах были зарегистрированы случаи, когда крепостные избивали своих господ, покушались на их жизнь, убивали. В Горбатовском уезде был найден в реке Оке убитый штабс-ротмистр Столица. Убит он был своими дворовыми — кучером Алексеевым и конюхом Максимовым — «вследствие его жестокого обращения с ними»²³. В Лукояновском уезде крестьяне пытались отравить помещицу Ширяеву. В отравлении был заподозрен кучер Ефим, у которого при обыске нашли какой-то белый порошок, полученный от врача²⁴. В Сергачском уезде крестьяне сельца Селищ Тимофеев и Максимов избили своего помещика Званцева, вынуждая его дать им с

²¹ «Тарас Шевченко в Н.-Новгороде». Сборник, стр. 80—81. Горький. 1939.

²² ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1857, д. № 25, л. 22—28.

²³ Горьковский областной архив, фонд Нижегородского губернского дворянского собрания, год 1852, д. № 4207, л. 6.

²⁴ Там же, год 1853, д. № 4243, п. 1.

¹⁸ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1856, д. № 172, л. 12.

¹⁹ Там же, л. 110.

²⁰ Там же, год 1857, д. № 255, л. 22.

семьями отпускную и денег²⁵. В Арзамасском уезде повар Стропин выстрелом из ружья в окно убил опекуныча Баженову за то, что та «давала дворовым людям самое скудное содержание, наряжала крестьян на господскую работу в воскресные дни... позволяла себе наказывать крестьян розгами и допускала даже наказание плетью и бритью головы»²⁶. В Горбатовском уезде крепостные помещицы Миловзоровой, «оказав ей неповиновение, прибили брата её Пшеницына»²⁷, и т. д., и т. п.

Революционный демократ Н. А. Добролюбов, приветствуя крестьян, расправлявшихся с жестокими помещиками, в 1855 г. в стихотворении «Дума при гробе Оленина» писал:

Без малодушия, боязни
Уж раб на барина востал
И, не страшась позорной казни,
Топор на деспота поднял²⁸.

Крестьянские «бунты», «беспорядки» в Нижегородской губернии ещё более усилились в связи с дошедшими до деревень слухами о подготовке реформы, о предстоящем «улучшении быта помещичьих крестьян». Отказы платить оброк, невыходы на барщину приняли массовый характер. Крестьяне уже открыто говорили, что помещики не по праву пользуются их трудом и землёй. Так, в Горбатовском уезде в конце 1857 г. крестьяне деревни Шарголей, принадлежавшие князю Черкасскому, запретили бурмистру отправлять барину собранный оброк, исходя из того, что они скоро якобы получат свободу и деньги их пропадут напрасно. Узнав, что поверенный князя продал 6 десятин леса, крестьяне «отправили двоих от мира с жалобой на поверенного губернатору, так как лес-де должен был перейти в их владение»²⁹.

Слухами о свободе особенно был охвачен Васильский уезд. Васильский уездный предводитель дворянства Сушёв в апреле 1858 г. писал губернатору: «Распространившиеся вообще между крестьянами превратные толки о предоставлении им свободы, как мне известно, чрезвычайно усилились. Действительному положению этого дела они верят очень мало, а некоторые из них твёрдо убеждены, что в скором времени непременно последует такое распоряжение, по которому вся господская земля перейдёт к крестьянам, и они будут освобождены от всякого влияния на них помещиков»³⁰.

В Васильском же уезде в июне 1858 г. крестьяне помещика Тимофеева, сельца Колянок, узнав о пролаже помещиком 30 десятин леса, толпой пошли туда. В лесу они топорами и дубинами угрожали покупа-

телям «изрубить всю их посуду и выжечь их деревни, если только они купят у них этот лес, потому что они скоро будут вольными, и весь лес достанется им»³¹.

Думой о том, что земля скоро будет принадлежать крестьянам, были охвачены не только помещичьи крестьяне. Удельный крестьянин Железнов из села Дубовки, Ардатовского уезда, проезжая селом Серякушами, говорил крестьянам: «Напрасно вы навоз-то возите: через восемь дней будете вы вольными, и земля вся переменяется; об этом получено уже и письмо из Питера от предводителя дворянства Карамзина»³².

В связи со слухами о предстоящей воле в Княгининском уезде, в деревне Пузырьки, крепостные помещика Салова отказались платить оброк и отвечали бурмистру «с грубостями», утверждая, что они уже вольные. Чтобы привести крестьян в повиновение, в имение Салова выезжал становой пристав³³.

В Макарьевском уезде (управляющий имением помещика Дмитриева в 1858 г. писал барину, что крестьяне деревни Ташлыкской, «взяв себе лживый толк, с твёрдым духом отказались платить оброк потому, якобы, что непременно скоро будут вольными»³⁴.

В Арзамасском уезде в апреле 1858 г. крепостные села Казакова, принадлежавшие князю Голицыну, отказались от всяких господских работ. Управляющему, заставлявшему их рубить лес, они заявили: «Будет, поработали..., да и лес этот скоро будет наш». Крестьяне послали своего представителя в село Великий Враг, другую вотчину князя, убедить тамошних мужиков действовать с ними заодно. За такой «бунт» крестьяне села Казакова были наказаны³⁵.

В Семёновском уезде крестьяне, принадлежавшие помещику Куприянову, также отказались от господских работ. Староста объявил барину, что крестьяне теперь не обязаны на него ни сено косить, ни дрова рубить, что помещик теперь уже не властен ни над старостой, ни над крестьянами. За такие речи старосту по приказанию станового пристава высекали розгами³⁶.

В последние два — три года перед реформой борьба крестьян против помещиков достигла крайнего напряжения. В 1858 г. сергачский уездный предводитель дворянства доводил до сведения губернатора, что в уезде «помещичьи крестьяне выходят совершенно из повиновения»³⁷. В имении Черткова, в селе Воронцово и деревне Березниках, крестьяне требовали сменить бурмистра, хотя «никаких беспорядков или упущений со стороны бурмистра не найдено»; в имении Вадбольской, в селе Лопатине, крестьяне потребовали от управляющего имением выдать им по 3 меры овса на каждую лошадь, заявив, что в противном случае «господский хлеб в село Лысково для

²⁵ Горьковский областной архив, фонд Нижегородского губернского дворянского собрания, год 1854, д. № 4266, л. 1.

²⁶ Там же, год 1855, д. № 4303, л. 7.

²⁷ Центральн. «Крестьянское движение 1827—1869 годов». Выпуск 1, стр. 110. Соц.экиз. 1931.

²⁸ Н. Добролюбов. Стихотворения, стр. 23. Изд-во «Советский писатель». 1939.

²⁹ В. Снежевский. Указ. соч., стр. 59.

³⁰ Там же, стр. 60.

³¹ Там же, стр. 59.

³² Там же, стр. 60.

³³ Там же, стр. 61.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же, стр. 61—62.

³⁶ Там же, стр. 62.

³⁷ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1858, д. № 139, л. 1.

продажи они не повезут». На должность бурмистра они «самовольно выбрали другого крестьянина». Наконец, заключая уездный предводитель дворянства, крестьяне «рубят без позволения лес в господских дачах, и вообще делают разные ослушания»³⁸.

Со своей стороны помещики также готовились к объявлению «воли». В этом отношении особенно интересно напущенное «богородское дело» крупнейшего нижегородского помещика С. В. Шереметева. Шереметев решил, не дожидаясь осуществления реформы, ограбить своих крепостных. В конце 1858 г. он предложил крестьянам села Богородского выкупиться на «волю» за неслышанно высокую сумму, составлявшую по раскладке 25 рублей за каждый оброчный рубль. За отказ от выкупа Шереметев собственноручно избил двух крестьян и нескольких посадил в тюрьму. Крестьяне собрали сход, избрали ходоков и направили их в Нижний, к губернатору, с жалобой на Шереметева. Губернатор должен был признать действия Шереметева незаконными. Он предложил назначить формальное следствие и передать имение Шереметева в опеку. Но горбатовский уездный предводитель дворянства Стремоухов и присланный из Петербурга для расследования дела флигель-адъютант граф Бобринский возражали против такого решения. Бобринский повёл расследование так, писал по этому поводу «Колокол» Герцена, что, с одной стороны, избивал крестьян, пытавшихся разъяснить суть их жалобы, а с другой — «по окончании всех поверок... нашёл, что самое лучшее — помирить крестьян с Шереметевым»³⁹. Бобринский уговорил Шереметева пойти «на уступки крестьянам в поборках, на некоторые ограничения своего произвола с ними; Бобринский отобрал от него в этом подлиску, объявил крестьянам, что их барин делает им милость и что они должны были благодарить за благодетель»⁴⁰.

Таким образом, грабитель и истязатель Шереметев был превращён представителями царской власти в благодетеля.

Однако волнения в Богородском продолжались. Против Шереметева было вновь возбуждено дело; оно получило широкую огласку. Улики были настолько очевидны, что правительству пришлось пересмотреть своё решение и передать имение в опеку.

Вопрос о земле перед реформой 1861 г. крайне волновал нижегородских крестьян. Они хотели получить всю землю. В этом отношении интересно выступление крестьян сёл Доскино и Крутцы, Нижегородского уезда, принадлежавших помещику Войнич-Сняженскому. В 1860 г. крестьяне этих сёл через своих старшин составили приговор, чтобы общими усилиями «непреренно вытеснить» помещика из имения и овладеть его землёй. «Как слышно,— писали крестьяне в приговоре,— что мы должны получить вольные без земли, но чтобы помещик наш сам

не занимался хозяйством, то сговориться в одно и строго приказать другим не повиноваться ему и никому ничего барского не делать и написать от всех прошение на него губернатору за подписом всех; избрать себе старшину, и барина не слушаться, а повиноваться своему старшине»⁴¹. Крестьяне договорились «выступать и при следствии в одном всем миром: нечем платить, хлеба нету, земли мало, жить тяжело за бариню». По донесению помещика против крестьян было начато судебное дело. «За возмущение против помещичьей власти» суд приговорил главных «виновников» «заключить в смиренный дом на 1 год и 8 месяцев»⁴².

Несмотря на суровые репрессии, борьба крестьян в губернии ширилась. Вот что, например, в июле 1860 г. писал васильский предводитель дворянства губернатору о положении в уезде: «Дух народа в уезде чрезвычайно дурён и неблагоприятен спокойствию: во многих имениях возникают беспрерывно беспорядки и неповиновение властям, так что приходится почти беспрестанно разъезжать мне самому, и только благодаря моему влиянию на крестьян восстанавливается порядок и спокойствие. Но случаи неповиновения учащаются, и это влияние, наконец, начинает ослабевать. Были примеры, что по отъезде моём из имения, где водворялся порядок, снова начинались беспорядки.

Причины всего этого,— как справедливо заключал уездный предводитель,— понятны,— крепостные отношения на самом деле уже рушились, хотя закон этот ещё существует; и вот, из неопределённого отношения двух сословий происходят волнения или, иначе, проникший в народ принцип свободы вступил в борьбу с отжившим своё время крепостным правом. А с продолжением такой неопределённости кто знает, какие размеры может принять эта борьба»⁴³.

Жалобы помещиков на «непослушание и грубости» крепостных десятками поступали из всех уездов. Становые приставы и исправники были столь заняты «усмирениями», что почти не возвращались на свои квартиры. «Помещики, привыкшие к почти неограниченной власти над крепостными и к их безусловной покорности, раздражались, озлоблялись на своих пока ещё рабов, но которые не сегодня — завтра получат свободу, и, опасаясь применять к ним те крутые меры, какими раньше держали их в повиновении,— осаждали начальство жалобами на «бунтовщиков и ослушников» и в то же время требовали от своих крепостных, чтобы те выплачивали им все оброки и недоимки, несмотря на то, что крестьяне зачастую были совершенно не в состоянии выполнять эти требования»⁴⁴.

Таким образом, волнения крестьян в Нижегородской губернии на рубеже 50—60-х

³⁸ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1858, д. № 139, л. 1.

³⁹ «Колокол», 1 октября 1860 г., стр. 32. Статья «Флигель-адъютант Бобринский в имении С. В. Шереметева».

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Горьковский областной архив, фонд Нижегородского губернского дворянского собрания, год 1860, д. № 4579.

⁴² Там же.

⁴³ В. Снежневский. Указ. соч., стр. 62—63.

⁴⁴ Там же, стр. 63.

годов XIX в. были повсеместны. Они, разумеется, пугали господствующий класс, но крестьянские выступления носили стихийный, разрозненный характер. Крестьяне не понимали ещё, что царская власть — это власть помещицы, в задачу которой входило охранять интересы эксплуататорских классов. Крестьяне были задавлены тьмой, у них «не было помощников и братьев среди городских рабочих, но крестьяне все же боролись, как умели и как могли»⁴⁵.

Революционная ситуация конца 50-х — начала 60-х годов достигла наибольшей силы в 1861 г., когда были обнародованы манифест об «освобождении» крестьян и закон, получивший название «Положение 19 февраля». В 1861 г., как сообщалось в отчёте III отделения, «кроме незначительных слушаний, прекращённых без содействия местных властей, оказано было временно обязанными крестьянами неповиновение в 1176 имениях»⁴⁶. Это естественно, так как вышеуказанные законодательные акты ни в какой мере не отражали интересов крестьянства, борющегося за полное уничтожение крепостничества.

Царское правительство ещё задолго до объявления крестьянам манифеста об «освобождении» принимало предупредительные меры для подавления волнений. Самый манифест 19 февраля был обнародован в Петербурге и Москве во избежание «беспорядков» (19 февраля совпало с празднованием масленицы) лишь 5 марта, а в провинции ещё позднее. Для каждого губернского города был установлен свой день объявления манифеста.

Нижегородские губернские власти также задолго до обнародования манифеста 19 февраля приняли соответствующие меры. Была учреждена особая временная комиссия под председательством губернатора, куда вошли губернский предводитель дворянства, управляющий палатой государственных имуществ, губернский прокурор и четверо из местных дворян-помещиков. Комиссии были переданы все дела губернского комитета «по устройству быта помещичьих крестьян, необходимые для предварительных распоряжений по предстоящему преобразованию»⁴⁷.

По «высочайшему повелению» министр внутренних дел 12 февраля 1861 г. поставил нижегородского губернатора Муравьева в известность, от каких войсковых частей требовать вооружённые команды в случае сопротивления крестьян при предстоящих переменах в «устройстве» их быта. «Для высшего наблюдения за общественным спо-

койствием... при введении в действие Положения»⁴⁸ в губернию был прислан «свиты его величества» генерал-майор князь Шаховской.

В Нижнем-Новгороде манифест 19 февраля был провозглашён 12 марта. На следующий день было начато обнародование манифеста по губернии, продолжавшееся неделю. С этой целью губернатор направил в уезды особых чиновников с экземплярами манифеста и «Положения» о крестьянах, а также с указами губернского правления городничим и исправникам о порядке обнародования манифеста. Кроме того чиновники везли предписание нижегородского епископа городским старшим священникам и соответствующие предписания командира нижегородского батальона внутренней стражи инвалидным командам. Чиновникам вменялось в обязанность доносить по эстафете губернатору о всех «беспокойствах», «неповиновениях» или «непослушаниях», возникших при объявлении «воли»⁴⁹.

Каждый уезд был разделён на четыре участка. Исправник, непрерывный заседатель и два станových пристава должны были одновременно, каждый в своём участке, обнародовать манифест и вручить помещикам под расписку по два экземпляра «Положения» с тем, чтобы один из них был передан крестьянам⁵⁰.

Была усилена городская и земская полиция, по городам установлены обходы и патрули. На исправников возлагалась роль «умиротворителей» крестьян в первые дни «воли».

Однако, несмотря на все принятые меры, нижегородские крестьяне не могли отнестись без волнений к «освобождению», в результате которого у них отняли 18% земли. Макарьевский уездный предводитель дворянства сообщал губернскому предводителю, что становому приставу, разъярявшему положения 19 февраля, крестьяне отвечали «с дерзостью» и требовали снижения оброка. Один из них на просьбу письмоводителя разойтись, ударяя себя в грудь, «дерзко» выразился, что становой пристав всех их «запичужит»⁵¹.

Крестьяне Нижегородской губернии не хотели верить «воле», объявленной официальными властями; они отказывались выполнять повинности. Нижегородский жандармский штаб-офицер в марте 1861 г. доносил главному пачальнику III отделения, что крестьяне «в некоторых местах смысл манифеста толкуют превратно по невежеству» и только по добровольному соглашению могут привлекаться к платежу оброков и к работам на помещика. В «мнениях тайного советника Шереметева, Козлова, Куприянова, князя Кочубея и многих других» они уклоняются

⁴⁵ В. И. Ленин. Соч. Т. 6, стр. 384. 4-е изд.

⁴⁶ Центрархив. «Крестьянское движение 1827—1869 годов». Вып. II, стр. 17. Соцэкгиз. 1931.

⁴⁷ А. Богодуров. Обзор хода крестьянского дела в Нижегородской губернии. «Нижегородский сборник». Т. 1, стр. 8—9. Н.-Новгород. 1867.

⁴⁸ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», стр. 3. М.-Л. 1949.

⁴⁹ А. Богодуров. Указ. соч., стр. 11—12.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Горьковский областной архив, фонд Нижегородского губернского дворянского собрания, год 1861, д. № 4624.

от выплаты оброка «под предлогом неимения денег»⁵².

Прибывший в Нижний-Новгород князь Шаховской в апреле 1861 г. сообщал царю, что в Горбатовском уезде в имении губернского предводителя дворянства Стремоухова крестьяне, находившиеся на смешанной повинности, «отказались платить оброк, исполнять свои обязанности, самовольно приступили к выбору нового старосты». Ни разъяснения «Положения», ни увещания не могли склонить их к повиновению. Тогда уездный предводитель предложил послать 25 человек в губернский город за разъяснением к губернатору, но крестьяне всей деревней подступили к нему «с угрозою» и «своей осанкой принудили предводителя, исправника и помещика удалиться в ближайшее с. Ворсму»⁵³.

Тогда же жандармский штаб-офицер доносил главному начальнику III отделения, что «беспорядки в разных местах губернии всё более и более обнаруживаются», что, в частности, «положение Сергачского уезда весьма тревожное, во многих местах оброков не платят, а в имениях, состоящих на барщине, отказываются ходить на работу, и распространяется говор в народе, что пахать господские поля не поедут»⁵⁴. О «Положении 19 февраля», продолжал он, «крестьяне судят различно: говорят, что им читали не настоящее, или не те листы, которые говорят в их пользу. Приводят разные нелепые доводы, что положения, которые им розданы, белые, а они видели зелёные книги».

Слух о том, что объявленное «Положение» не настоящее, что подлинное «Положение» скрывают от крестьян, в несколько ином варианте повторялся и в дальнейшем. Сергачский исправник в июне 1861 г. доносил губернатору, что в имении помещика Новосильцева имеются «недоразумения» в связи с тем, что священник якобы скрывает от крестьян присланный Святейшим синодом указ об освобождении. Распространителями этого слуха явились дьячок Соловьёв и пономарь Тобгалев. Как сообщал исправник, священник «жаловался, что в то время, когда он, после богослужения, выходил для увещания крестьян, Соловьёв на клиросе сказал: лучше бы, вместо того, чтобы уговаривать крестьян работать, прочёл бы Указ синода о поле»⁵⁵.

С обнародованием в губернии «Положения» среди крестьян появилось немало «грамотеев», или, как их называли, «просьбеников», которые по-своему, как того желало население, разъясняли малопонятный, написанный канцелярским языком закон 19 февраля. Княгининский уездный предводитель дворянства жаловался на одного такого просьбеника, канцеляриста Антонского, который неправильно толковал крестьянам

«Положение», «вследствие чего возникали в вотчинах большие беспорядки, и крестьяне оказывали неповиновение местным своим начальникам»⁵⁶.

Как и до обнародования манифеста, особенно беспокойно было в южных уездах — Сергачском, Княгининском и других. В течение апреля сергачскому уездному предводителю дворянства поступили жалобы от помещиков Станкер, Зыбиной, Кондратьева и многих других. Крестьяне, принадлежавшие этим помещикам, либо вовсе отказывались от барщинных работ либо соглашались производить их не в том объёме, как это требовалось «Положением». Крестьяне помещиков Крюкова и Урусова отказались от работы не только на помещичьей земле, но и на земле, отведённой им в пользование, ввиду малого размера надела и плохого качества земли⁵⁷.

Жалобы помещиков поступали и из других уездов. Например, из Горбатовского уезда сообщалось, что крестьяне деревни Валтырево, принадлежавшие помещику Гагарину, «с наступлением весны не пахут заведённую издавна запашку под яровой хлеб... не соглашаются работать, ссылаясь на новое положение»⁵⁸.

Губернский предводитель дворянства в июле 1861 г. уведомлял жандармского офицера, что весной посеяны яровых полей в помещичьих имениях Горбатовского, Княгининского, Сергачского, Ардатовского, Лукояновского и Васильского уездов производились временно обязанными крестьянами «в меньшем размере, против прежнего, слишком на 3 тыс. десятин». В результате помещики, «предвидя или испытав на самом деле всевозможные упущения, вынуждены были до 950 десятин отработать и засеять посредством вольного труда; до 1150 десятин отдать в наймы; прочее же количество осталось незасеянным»⁵⁹.

Князь Шаховской в середине мая в донесении царю писал: «Вообще во всей [Нижегородской губернии] дух неповиновения и самоуправства развит в крестьянах в самой высокой степени»⁶⁰. Но этот «дух неповиновения» в губернии, вызванный провозглашением манифеста 19 февраля, был лишь первой волной крестьянского движения.

Вслед за ней пришла вторая, несколько менее сильная, но более продолжительная волна крестьянского движения, вызванная уже составлением и введением уставных грамот.

Крестьяне отказывались от подписки уставных грамот, не шли на соглашение с помещиками. Затяжка с составлением уставных грамот беспокоила не только губернская власть, но и III отделение. Жандармский офицер доносил в октябре 1861 г. главному

⁵² ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1861, д. № 216, л. 3—4.

⁵³ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», стр. 124.

⁵⁴ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1861, д. № 216, л. 8—10.

⁵⁵ Горьковский областной архив, фонд канцелярии Нижегородского губернатора, год 1861, дело № 7695, л. 7—8.

⁵⁶ В. Снегневский. Указ. соч., стр. 83.

⁵⁷ Там же, стр. 84.

⁵⁸ Горьковский областной архив, фонд канцелярии Нижегородского губернатора, год 1861, дело № 7728, л. 1.

⁵⁹ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1861, д. № 216, л. 50.

⁶⁰ «Крестьянское движение в 1861 году после отмены крепостного права», стр. 126.

начальнику III отделения: «По сие время весьма мало ещё предоставляется уставных грамот, а составленных по взаимному соглашению почти вовсе нет. Крестьяне не идут на соглашение... в особенности избегают они и вовсе отказываются подписывать грамоты: некоторые по какому-то ожиданию изменения положения, другие в опасении бессознательном приложить руку, считая подпись какой-то кабалой и обязательством, но всего более по какой-то затаённой мысли, что будет другое, более выгодное для них положение»⁶¹.

До 15 февраля 1862 г. мировыми посредниками в губернское по крестьянским делам присутствие была представлена всего лишь 421 уставная грамота, охватывавшая 232 имения с 23 273 крестьянами; до начала 1863 г. оставалось ввести в действие ещё 2022 уставных грамоты, определявших поземельные отношения 330 014 крестьян⁶².

Крестьяне Нижегородской губернии ждали новой, «настоящей воли». Это ожидание особенно усилилось во второй половине 1862 года. О 19 февраля 1863 г., когда должно было быть закончено введение в жизнь законодательных актов об «освобождении», говорили, как о дне, в который будет дана новая, «настоящая воля». В Нижегородском уезде крестьяне деревни Вармалей, принадлежавшие графу Сен-При, настоятельно просили мирового посредника не принуждать их до 19 февраля 1863 г. к выслушиванию и подписанию уставной грамоты. Когда мировой посредник не согласился, крестьяне разошлись. Мировому посреднику пришлось выезжать в деревню вторично; на этот раз было заготовлено 7 пучков розог. Но крестьяне продолжали упорное сопротивление. Из соседнего села Покры они привезли священника. И когда тот вошёл в избу, где находился мировой посредник, и вслед за ним вошла толпа крестьян, один из крестьян, Токарев, возбуждённо спросил: «Долго ли мы, батюшка, будем находиться под раменом помещиков?». На это священник, подняв руку вверх, ответил: «Повинуйтесь, православные, до 1863 года, а там, что будет»⁶³. За эти слова священника привлекли к ответственности.

В Макарьевском уезде в начале 1862 г. распространился слух, что существует закон, по которому крестьянам дозволялось переселяться с помещичьих земель на казённые⁶⁴. В связи с этим началось «уклонение» от выплаты оброков. В Семёновском уезде пронёсся слух, «будто бы в Оренбургской губернии земля крестьянам отводится даром и что правительство даёт даже денежное вознаграждение тем, которые будут переселяться»⁶⁵. В результате «25 семейств из имения г. Бестужева составили приговор, состоящий в изъявлении желания на переселение». В городе им было написано проше-

ние, «которое они подали управляющему палатой государственных имуществ, отставному генерал-майору Арцыбашеву. Г. Арцыбашев ошибочно принял от них прошение это, а податели возвратились и передали прочим об успехе начатого ими дела. Молва о сем перешла в соседние деревни князя Трубецкого, Козлова и Пспова, в которых тоже остановились платежи оброков, а крестьяне Бестужева хотели продать уже своё имущество»⁶⁶.

В некоторых уездах губернии выступления крестьян были связаны с требованием получения «бесплатного», «четвертного» надела. В 1862 г. в Нижегородском уезде крестьяне села Пальцы, принадлежавшие помещику Нарышкину, оказали сопротивление землемеру, уменьшавшему по распоряжению владельца их наделы на одну треть. 600 крестьян решительно заявили, что им никакого надела, кроме «четвертного» или, как они ещё называли, «царского», не нужно⁶⁷.

Несколько позднее в том же уезде «продолжительное слушание» оказали крестьяне Терюшевской и Сарлейской волостей, проживавшие в имении графа Сен-При. «Они, как сообщалось в отчёте о действиях III отделения за 1864 г., упорно домогались дарственного надела земли, неоднократно посылали поверенных в С.-Петербург для ходатайства об этом, и когда после надлежащих внушений было им запрещено возобновлять просьбы, а волостные старшины обязаны подписками не выдавать ходокам паспортов, то крестьяне прекратили полевые работы и платёж оброка, к чему были подговорены поверенными их Муразаевым и Махаловым, под тем предлогом, что запашкою надела они признали бы себя виновными в неправильных требованиях»⁶⁸.

Следовательно, среди нижегородского крестьянства в связи с провозглашением манифеста и «Положения 19 февраля» «неповиновения» и «беспорядки» были весьма распространённым явлением. Крестьян крайне «растревожило» составление и введение в жизнь уставных грамот. Они не хотели верить объявленной «воле», вслеськи «уклонялись» от выполнения повинностей, противодействовали уменьшению наделов, требовали «настоящей воли», а в некоторых случаях настаивали на выделении им «бесплатного», «четвертного» надела.

Царское правительство ответило на выступления крестьян тяжёлыми репрессиями. Губернатор Муравьёв, специально объезжавший в мае 1861 г. губернию, арестовал 186 человек как наиболее «виновных в неповиновениях и подстрекательстве». Князь Шаховской, чтобы сломить сопротивление крестьян с. Ширапово, Сергачского уезда, поставил «экзекуцией роту 4 резервного батальона Селенгинского полка, находящегося в сборе Княгининского у. при с. Мурашино»⁶⁹.

⁶¹ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1861, д. № 216, л. 84—85.

⁶² А. Богодуров. Указ. соч., стр. 51, 55.

⁶³ ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1862, д. № 211, л. 49—52.

⁶⁴ Там же, л. 9—10.

⁶⁵ Там же, л. 15—17.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же, л. 67—68.

⁶⁸ Центархив. «Крестьянское движение 1827—1869 годов». Вып. II, стр. 88.

⁶⁹ «Крестьянское движение в 1861 году после стмены крепостного права», стр. 126.

Военные силы применялись и при подавлении волнений в других уездах. В 1862 г. в Нижегородском уезде в имение графа Сен-При, ввиду отказа крестьян подписать уставную грамоту, была введена воинская команда. Воинская команда привела крестьян «к порядку». «Наиболее виновные в буйстве» 12 человек были «взяты под стражу и преданы суду»⁷⁰.

В Сергачском уезде в имение отставного капитана Новосильцева в связи с отказом крестьян от господской работы уже после введения уставной грамоты были направлены на постой две роты резервного батальона Селенгинского пехотного полка. «Непокорных» насильно заставили пахать господские и крестьянские поля, а за сопротивление одиннадцать человек, наиболее виновных, подвергли «исправительному наказанию, и тем беспорядки прекращены»⁷¹.

⁷⁰ Централхив. «Крестьянское движение 1827—1869 годов». Вып. II, стр. 35.

⁷¹ Там же.

В Княгининский уезд, в имение помещика Барышникова, в ноябре 1863 г. было отправлено «две роты Московского пехотного полка», так как крестьяне уже более года уклонялись «от исполнения своих обязанностей» и оказали «сопротивление местному станному приставу при продаже имущества за неплатёж оброков»⁷².

В Макарьевский уезд в августе 1864 г. для содействия местному начальству в прекращении «беспорядков» были посланы три роты 65-го Московского пехотного полка⁷³.

Факты, относящиеся к движению нижегородский крестьян, ещё раз подтверждают справедливость указания В. И. Ленина о том, что «великая реформа» могла быть приведена в исполнение лишь с помощью «военных экзекуций и расстреливания крестьян»⁷⁴.

⁷² ЦИА, фонд III отделения, 4 экспедиция, год 1863, д. № 204, л. 2.

⁷³ Централхив. «Крестьянское движение 1827—1869 годов». Вып. II, стр. 60.

⁷⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 4, стр. 395.